



Трансформация политической идентичности в информационном обществе: пределы и противоречия

Давид Кромвелович Григорян¹, Артур Ашотович Ханджян²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Давид Кромвелович Григорян, davo-davo23@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

Аннотация. В статье рассматривается трансформация политической идентичности и элитарного сознания в современном мире. Проблематизируется динамика процессов политической идентификации в условиях развития информационного обмена сетевого типа. Цель исследования – изучение особенностей процесса политической идентификации в условиях влияния новейших форм и практик цифровой коммуникации. Ее достижение связано с решением двух основных задач: 1) экспозиция современного политического процесса и его ключевых составляющих (идентичности политического правящего «класса», его элитного самосознания) в контексте развития информационного общества, кратно возросшей интенсивности урбанизационных процессов; 2) изучение трансформации процесса политического самоопределения в условиях вовлечения политических субъектов и структуры в информационное взаимодействие сетевого типа, доминирующее на современном этапе цивилизационного развития. Изменение практики политического мышления и политической легитимации элит рассматривается в контексте процессов урбанизации и развития соответствующего типа сетевого городского «хронотопа».

Ключевые слова: элитарное сознание, политическая идентичность, легитимация, урбанизация, сетевое общество, информационная культура

Для цитирования: Григорян Д. К., Ханджян А. А. Трансформация политической идентичности в информационном обществе: пределы и противоречия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 175–180. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-175-180>. EDN ALBGRD

Politology and Ethnopolitics

Original article

Transformation of political identity in the information society: limits and contradictions

David K. Grigoryan¹, Artur A. Khandjyan²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: David K. Grigoryan, davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

Abstract. The article deals with the transformation of political identity and elite consciousness in the modern world. The dynamics of political identification processes in the conditions of development of information exchange of network type is problematized. The aim of the research is to study the peculiarities of the political identification process under the influence of the newest forms and practices of digital communication. Its achievement is connected with the solution of two main tasks: 1) exposition of the modern political process and its key components (identity of the political ruling “class”, its elite self-consciousness) in the context of the development of information society, multiply increased intensity of urbanization processes; 2) study of

the transformation of the process of political self-determination in the conditions of involvement of political subjects and structure in the information interaction of network type, dominating at the current stage of civilizational development. The change in the practice of political thinking and political legitimization of elites is considered in the context of urbanization processes and the development of the corresponding type of network urban "chronotope".

Keywords: elite consciousness, political identity, legitimization, urbanization, network society, information culture

For citation: Grigoryan D. K., Khandjyan A. A. Transformation of political identity in the information society: limits and contradictions. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(1):175–180. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-175-180>. EDN ALBGRD

Введение. Обозначенная на официальном уровне руководством страны стратегия на достижение устойчивого развития государства, социально-экономической сферы, возрождение духовно-нравственной основы культуры и национальной традиции, а также реализация намеченных проектов на международной арене, вряд ли может быть осуществлена в полной мере без учета влияния специфики информационного пространства на политическое мышление, политические ценности и политическое поведение. Политика как часть общественной жизни сегодня подвержена влиянию технологического прогресса как никогда ранее. Цифровые технологии уже произвели настоящую революцию в коммуникативном пространстве. Глубинная трансформация публичного общения (в том числе посредством традиционных СМИ) меняет акценты в роли сетевого взаимодействия; оно становится мощным фактором формирования политической идентичности, элитарного сознания. И, соответственно, фактором, определяющим структуру взаимодействия общества и власти, публичных и не публичных организаций, институтов и сообществ. Глобальное коммуникативное пространство сегодня благодаря научно-технологическому прогрессу обрело транснациональные и трансграничные черты.

Исходной теоретической базой исследования является развиваемая на уровне современного социально-гуманитарного знания концепция информационного обмена сетевого типа (виртуальная коммуникация, широкий фронт гибких общественных структур публичного типа и т. д.). Политическая теория, несомненно, является частью этого общего тренда развития обществоведческого знания в современном мире. В том числе в нашей стране. Игнорирование таких факторов как технологический прогресс в изучении политической идентичности, сущности элитогенеза, политической легитимации и др. может привести к существенному снижению не только эвристического потенциала разрабатываемых концепций и предлагаемых гипотез, но и практическому обесцениванию изучения политических процессов. Таким образом, исследование изменения процесса идентификации политических элит в условиях развития информационного общества должно опираться на накопленный массив знания в области изучения урбанизации, цифровой реальности и сетевой коммуникации, постмодернистского изменения ценностного измерения политики, без которого трудно представить стратегическое проектирование на уровне государства и ключевых институтов.

Теоретическое обоснование. Постиндустриальный этап эволюции общества привел к установлению господства информационных технологий и экономики, опирающейся на конвертацию знания. Все основные формы и структуры современного общества носят технологически обусловленный характер. Разумеется, информационное общество – это общество прежде всего с принципиально новым типом коммуникации и организации публичного политического пространства. Изменение самого производства, рост доли «экономики услуг», «экономики знаний» (причем, знаний далеко не только научных; речь вообще идет о повышении «стоимости» любого вида знания, если оно может приносить практическую пользу), приводит к самым существенным подвижкам в структуре политической реальности, влияет на изменение элитарного слоя общества, его морфологии и общей функциональности.

Сегодня в нашей стране получает юридическое закрепление идентификация пользователя электронных госуслуг, что, фактически, может смело рассматриваться как вид *сетевой идентичности* субъекта, которая конструируется по прямой инициативе властных структур и поэтому выступает свидетельством позитивных трендов в трансформации элитарного сознания. Исходя из обозначившейся в отечественной политологии двойственной традиции толкования сетевой идентичности, специально оговорим, что рассматриваем данный политологический концепт как выражение процесса селекции и аккумуляции приемлемого для личности в рамках цифровой среды (коммуникативной

среды). Так, в частности, Л. А. Фадеева рассматривает сетевую идентичность как: 1) идентичность в интернет-пространстве и как 2) соотношение пользователя с тем или иным коммуникативным сообществом или сетевой моделью поведения [1, с. 67–69].

На наш взгляд, более приемлемым для решения задач исследования особенностей политической идентификации в современном цифровом универсуме является определение новейшего типа коммуникативной реальности Е. В. Летова: «Сетевая идентичность как результат сложного когнитивно-эмоционального процесса позволяет личности отождествлять себя с “людьми сети”, имеющими достаточно высокий уровень владения компьютерной техникой и технологиями, стилизованными и языковыми особенностями коммуникации» [2, с. 63]. В таком определении важна следующая деталь: для гражданина участие в сети есть способ определения себя в *отношении* не просто к определенной общности, но к самому способу формирования такой общности. То есть, другими словами, так понятая сетевая идентичность есть некий фильтр, селекционирующий элитные слои социума, связанного с использованием цифровых структур. Именно по этой причине элитологический дискурс цифрового общества, виртуалистики, интеракционизма сетевого типа неотделимы от дискурса политологического. Такой вид идентичности граждан – важный элемент политической легитимации. «Граждане-аватары» в качестве активных участников создаваемых государством сетей (а экосистемы есть вариация таких сетей), и создают одну из ключевых опор власти в современном обществе. Такая подвижность делает *социальную адресацию* власти более осязаемой, более близкой простому человеку. Соответственно, со стороны пользователей (рядовых граждан) формируется качественно новое восприятие власти и государства, опирающееся на ценности *диалога*, возможность быть услышанным.

Огромную роль играет становление урбанизированного образа жизни в качестве доминирующей формы социально-культурного развития и консолидации точек роста, самой психологии и энергии обновления. Именно крупные города в наши дни выступают средоточием политической жизни, центром производства, обмена товарами, услугами, перемещения капиталов. Современная Россия – яркое тому подтверждение, если охарактеризовать актуальную роль Москвы и Санкт-Петербурга, столиц Федеральных округов в жизни страны в целом и регионов в отдельности.

Современный город – это локация, внутри которой идентичность политической элиты обретает самые высшие формы своего политического воплощения и значения, но точно также современный город способен уничтожить элитное сознание, низложив его до уровня группового пароля. Особенность современного политического процесса в том, что его локализация и концентрация не являются основанием его самосовершенствования, селекции и мобилизации. Между концентрацией и мобилизацией политической коммуникации нет знака равенства, нет прямо пропорционального отношения. – Одна из характерных особенностей современного этапа эволюции общества, в отличие от эпохи промышленных и буржуазных революций.

Город нашего времени немислим без особой цифровой эстетики и без тех каналов связи людей, которые основываются на технологических «картах» и маршрутах. В ином случае теряет смысл само такое прогрессивно растущее пространство. Прогрессивно и, добавим, агрессивно. Без увеличения скоростей его освоения/присвоения, без сокращения временных дистанций и пр. огромный город становится формой подавления личности. Актуальным и востребованным понятием для современного социально-политического знания является концепт «умный город».

Все новейшие принципы публичной интеракции реализуются именно в *smart*-пространстве умных городов. Статистические показатели за последние годы свидетельствуют о том, что крупнейшие российские города (Москва и Санкт-Петербург) уверенно занимают самые первые строчки в мировых рейтингах, отражающих не только уровень экономического развития, но и общее состояние урбанизированной среды в качестве жизненной почвы для миллионов горожан, в качестве показательных примеров цифровизации общества и открытости власти. Москва, например, уступает первое высшее место только Лондону. Впрочем, не следует забывать о том, что эти ранги прямо или косвенно составляются западными профильными аналитическими кругами (во всяком случае с опорой на западные методологические и методические приемы и рекомендации).

Данный рейтинг, если судить по данным аналитического отчета, представленного *ICT-Moscow*, включает целый спектр оценочных параметров: «Умное городское управление», «Умный образ жизни», «Умный транспорт», «Умный бизнес и занятость», «Устойчивое развитие»¹. Причем, особо

¹ Kept - Рейтинг умных городов стран СНГ и Закавказья. – URL: <https://ict.moscow/research/reiting-umnykh-gorodov-stran-sng-i-zakavkazia/> (дата обращения 30.11.2023).

подчёркивается, что по качеству городского управления Москва занимает первое место (лидер), а Лондон – третье. Между ними расположился Сингапур. Эти и другие многочисленные статистические данные опираются на обработку огромного потока информации, проводимые опросы, математические модели и т. п. Все это в совокупности и образует те новейшие и динамично развивающиеся условия, в которых трансформация элитарного сознания протекает совершенно в непривычных каналах, формах и структурах. Успех политической элиты прямо зависит теперь от того, в какой мере ее самоидентификация будет внутренне связана с цифровым пространством.

Политическая роль элиты в современном городском публичном пространстве качественно отличается от периода развития крупной тяжелой промышленности и господства идеологических методов легитимации. Главная причина заключается в том, что само урбанизированное пространство по своей морфологии, особенной инфраструктуре, является сетевым опытом, в котором как раз отмеченный выше политический перформанс проявляется максимально полно. Первичная ситуация простого физического, пространственного со-присутствия, со-участия граждан наделена огромным ресурсом влияния именно в городской черте. Город – это то место, в котором *хронотоп* оказывается мощным фактором политического процесса. «Город – без границ» [3] грозит отменить не только пространственно-географические дистанции, но и внутриобщественные. И этот урбанистический ландшафт самым непосредственным образом связан с прогрессом технологий, с ростом той социальной прослойки граждан, которые заняты в специфических сферах деятельности, имеющих смысл и статус исключительно внутри городского сообщества.

Это последнее обстоятельство прямо влияет на их политический выбор и на возможность выстраивания диалога власти и населения, следовательно, не может не приниматься в расчет в элитологической рефлексии государственной стратегии страны. Конечно, не следует и в данном случае забывать о том, что данные тенденции российского общества – отражение общей глобальной повестки, той, что формируется не в кадре или ленте официальных СМИ, а за кадром, определяют содержание и объективную логику общего цивилизационного развития человечества. Отношение между политическими элитами и не-элитами в случае с городским креативным классом, занятым в сетевых производственных, торговых, коммуникативных и иных структурах, не может оставаться неизменным.

Термин «хронотоп», в соответствии традицией применения в социально-политическом знании XX века, означает единство пространственных и временных параметров человеческого существования, имеющих внешнее выражение в опыте общения и деятельности [4–8]. Темпорально-топологические аспекты политических процессов особенно важны именно в нынешней ситуации бурного прогресса информационных технологий и цифровых виртуальных форм и способов коммуникации. Цифровая сетевая реальность качественно меняет локации политических событий и публичной политической деятельности. Как известно, сам термин «хронотоп» впервые стал активно использоваться в гуманитарном знании русским мыслителем М. М. Бахтиным [9, с. 234–407].

В контексте современной политической теории концепт «хронотоп» используется в связи с раскрытием сущности дистанции между элитами и массами. Таково, например, определение политического хронотопа, которое дает Е. В. Третьякова: «Политический хронотоп – не пространственно-временная локализация, а особый способ бытия времени в пространстве и пространства во времени. Специфика этого бытия в политике определяется принципиальной иерархичностью и сакральным статусом центрального места. Каждый сегмент политики формирует индивидуальные комбинации агентов, их взаимодействий, ценностей и ориентаций» [10, с. 71].

Политическое время и политическое пространство как две ключевые координаты в условиях информатизации, глобализации и информатизации качественно меняются в направлении обретения более гибких «текучих» форм [11]. В таком постсовременном контексте меняется качество элитной политической идентификации властных группировок или отдельных лидеров: модные прогрессивные элиты становятся «экстерриториальными», что вполне отражает специфику *digital*-среды, не требующей привязки к какому-то *одному месту*, а также общему духу постиндустриального высокоурбанизированного общества, рассчитанного на огромные скорости и минимальные дистанции.

Такой хронотоп цифровой сети накладывает существенный отпечаток на элитарное сознание: принципы самоидентификации элиты с определенными моделями поведения все более исходят из необходимости *наращивания дистанции* между данными ценностно-поведенческими коммуникативными моделями и собственным самосознанием, идентичностью. Эта новая «малочисленная элита жителей киберпространства, процветающих на неопределенности и неустойчивости всех земных вещей» [11, с. 167]; «могущество мировой элиты опирается на ее способность избегать местных обязательств, и глобализация предполагает именно уход от такой необходимости, разделение задач и функций таким образом, чтобы возложить на местные власти, и только на них, роль защитников закона и (местного) порядка» [11, с. 202].

Следует согласиться с выводом Баумана о том, что такие политические группы в современном мире не нуждаются в самом обществе как субъекте национальной или этнокультурной идентичности: «В новых условиях едва ли можно что-то получить от тесных связей нации с государством» [11, с. 198]. Классический хронотоп политической идентификации в традиционном обществе (напр., сословно-монархическом) был жестко привязан к определенным местам. Постмодерн же и тотальный захват «цифрой» всего антропологического ландшафта привели к децентрализации и политики и самого политического мышления и элитарного сознания [12].

Выводы. У науки и технологий нет государственных границ (иногда их пытаются установить искусственно и потому безуспешно). Основания идентичности политических элит находятся нередко в зоне деструктивного влияния со стороны глобального информационного общества и его локальных фронтов. Для его минимизации требуется: 1) кардинальный пересмотр отношения элит к собственной ресурсной базе, к своей идентификации по основанию этой базы и по основанию своего самосознания себя в качестве элиты (принадлежность моделям поведения); 2) активное использование неявных ресурсов цифровой коммуникативной среды и сетевого взаимодействия с целью прежде всего совершенствования, креативного преобразования механизмов селекции и мобилизации элитных групп.

Сам прогресс информационного общества столь стремителен, что привычное для XX века политическое проектирование и прогнозирование в современных условиях явно отстаёт от скоростей развития самой объективной реальности экономического производства и технологического трека. По отношению к текущему моменту, ситуационно, можно уверенно говорить лишь о доминировании одной глобальной тенденции политической практики, которая не только сохранится в ближайшем будущем, но и в более длительной среднесрочной перспективе. А именно: тенденция утраты нормативной базой общества своей конституирующей роли, то есть, другими словами, вырисовывается перспектива сохранения только одной нормы (общего правила) – отказа от всяких норм в пользу вероятностных закономерностей. Принцип сетевой организации социально-политического пространства и основан на взаимном самоподдержании участников сети. В современном российском обществе сетевое взаимодействие само по себе выступает фактором, снижающим уровень общественной безопасности. Прозрачность цифровой среды в нашей стране должна быть не только выражением уровня доступности информации, но и степени идентификации участников, пользователей. Речь идет не только о киберпреступности, но и о создании в сетевом пространстве сообществ, деятельность которых направлена на подрыв устоев государственного и общественного порядка.

Список источников

1. Фадеева Л. А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Ред. И.С. Семененко, В.В. Лапкин, Л.А. Фадеева. М.: РОССПЭН. 2011. Т. 1. С. 67–69.
2. Летов Е. В. Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2013. № 4 (54). С. 62–65.
3. Глазычев В. Л. Город без границ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с.
4. Сунгуров А. Ю. Время и политика: введение в хронополитику. СПб.: Алетейя, 2016. 183 с.
5. Чихарев И. А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. 2003. № 6. С. 50–61.
6. Чихарев И. А. Хронополитика: развитие исследовательской программы // Полис. 2005. № 3. С. 21–33.
7. Чихарев И. А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях // Политическая наука. 2009. № 1. С. 7–31.

8. Русакова О. Ф., Фатихов С. П. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». № 30 (247). 2011. С. 122–127.
9. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Сб. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.
10. Третьякова Т. Е. Пространство и время политического хронотопа // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск, 2010. Вып. 8. С. 65–73.
11. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ., под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
12. Григорян Д. К., Яцкина И. А. IT-преступность как обратная сторона цифровизации общества // Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Материалы Всероссийской научно-практической практической конференции к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Александра Алексеевича Протасевича. Иркутск, 2023. С. 30–35.

References

1. Fadeeva L. A. Network Identity. *Political Identity and Identity Politics*. 2011;(1):67–69. (In Russ.)
2. Letov E. V. Network identity in the culture of modern information society. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Art*. 2013;(4-54):62–65. (In Russ.)
3. Glazychev V. L. *City without borders*. Moscow: 2011. 400 p. (In Russ.)
4. Sungurov A. Yu. *Time and Politics: Introduction to Chronopolitics*. Saint-Petersburg; 2016. 183 p. (In Russ.)
5. Chikharev I. A. Chronopolitical research: the experience of synthesis. *Polis*. 2003;(6):50–61. (In Russ.)
6. Chikharev I. A. Chronopolitics: development of the research program. *Polis*. 2005;(3):21–33. (In Russ.)
7. Chikharev I. A. Problematics of political space and time in modern political science and international studies. *Political Science*. 2009;(1):7–31. (In Russ.)
8. Rusakova O. F., Fatikhov S. P. Conceptual models of chronotope in humanitarian and political studies. *Bulletin of SUSU, Series "Social and Humanities"*. 2011;30(247):122–127. (In Russ.)
9. Bakhtin M. M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics. In: *Issues of Literature and Aesthetics*. 1975: 234–407. (In Russ.)
10. Tretyakova T.E. Space and time of political chronotope. *Totalitarianism and totalitarian consciousness*. 2010;(8):65–73. (In Russ.)
11. Bauman Z. *Current Modernity*. Saint-Petersburg; 2008. 240 p. (In Russ.)
12. Grigoryan D. K., Yatskina I. A. IT-crime as the reverse side of digitalization of society. In: *Scientific support of detection, investigation and prevention of crime. Materials of the All-Russian scientific-practical practical conference to the anniversary of Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation Alexander A. Protasevich*. Irkutsk; 2023:30–35. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. К. Григорян – кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

А. А. Ханджян – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

D. K. Grigoryan – Cand. Sci. (Polit.), Professor at the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA; Associate Professor at the Department of Criminalistics and Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

A. A. Khandjyan – Postgraduate student, Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 10.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.